

БЕЗ БОЛИ НЕ БУДЕТ ЛУЧШЕЙ ДОЛИ НАШ БЛИЖАЙШИЙ ЗАМОРСКИЙ СОСЕД ЯПОНИЯ СЕЙЧАС ПЕРЕЖИВАЕТ ПРИМЕРНО ТЕ ЖЕ КОЛЛИЗИИ, ЧТО И РОССИЯ. РЕФОРМЫ, НАЧАТЫЕ ОЧАРОВАННЫМИ СОЕДИНЕННЫМИ ШТАТАМИ РЕФОРМАТОРОМ, ПРИВЕЛИ К ЗНАЧИТЕЛЬНОЙ ЛИБЕРАЛИЗАЦИИ ЭКОНОМИКИ, НО И ПОРОДИЛИ ДОСЕЛЕ НЕВИДАННЫЕ В СТРАНЕ ВОСХОДЯЩЕГО СОЛНЦА ЯВЛЕНИЯ ВРОДЕ ИМУЩЕСТВЕННОГО РАССЛОЕНИЯ. И ЗАСТАВИЛИ ЯПОНСКИХ ГРАЖДАН, ДОЛГОЕ ВРЕМЯ НАСЛАЖДАВШИХСЯ ПОЧТИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ БЕЗМЯТЕЖНОСТЬЮ, УЧИТЬСЯ БЫТЬ ПРЕДПРИИМЧИВЫМИ. КАК ОНИ С ЭТИМ СПРАВЛЯЮТСЯ? АНДРЕЙ ИВАНОВ

В конце этого сентября в отставку с поста председателя правящей Либерально-демократической партии (ЛДП) и премьер-министра Японии должен уйти Дзюньитиро Коидзуми. Потрясатель основ. Он будоражил японское общественное мнение «неподобающими» крупному политику светлыми костюмами и копной седых волос, принесших ему прозвища «Бетховен» или «Лев». Но главный его вызов японскому обществу состоял в предложенных им радикальных реформах.

Строго говоря, меняться за последние 150 лет Японии приходилось не раз. Во второй половине XIX века, когда по требованию американцев японцам пришлось отказаться от добровольной самоизоляции и начать догонять ушедшую вперед Европу и Америку. После второй мировой войны, когда те же американцы распустили составлявшие основу экономики Японии дзайбацу — олигархические группы — и ввели демократию по своему образцу. А в последний раз приступить к реформам Японию вынудил так называемый кризис экономики «мыльного пузыря», вызванный в конце 80-х — начале 90-х годов прошлого века чрезмерным увлечением спекуляциями недвижимостью. Когда цены на заложенную под кредиты землю упали, разорились масса компаний, банки остались с многомиллиардными невозвращаемыми «плохими кредитами», а население вдруг резко сократило расходы, выяснилось, что проблема не только в спекуляциях. Сбой дала вся работавшая до того как часы уникальная японская система, представлявшая собой причудливую смесь капитализма с социализмом. Лечить хворь принялись с уменьшения вмешательства государства в экономику — дали больше прав регионам, ослабили гнет бюрократии и производимых ею инструкций, уменьшили число министерств и ведомств. В 1996 году премьер-министр Рютаро Хасимото начал дерегуляцию финансовых рынков. Однако его программа «Большой взрыв» так и не смогла разбудить деловую активность в стране из-за проводимого им же курса на укрепление госконтроля за экономикой. Популярность ЛДП упала, Рютаро Хасимото ушел в отставку, но и два следующих премьера не добились успеха в борьбе за оживление экономики. Весной 2001 года он снова попытался избраться председателем ЛДП, что автоматически вновь сделало бы его премьер-министром, но однопартийцы, опасаясь разгрома на предстоящих осенью парламентских выборах, отдали предпочтение Дзюньитиро Коидзуми. Светлые костюмы. Копна седых волос. Двое детей. Холостяк. Но безумную популярность у потенциальных избирателей, особенно женщин, ему принесли не только эти аксессуары завидного жениха, но и его реформаторский запал, в котором он замахнулся на сами истоки японской жизни.

Еще в 1993 году, будучи министром почт и коммуникаций, он предложил приватизировать государственное почтовое ведомство, которое в Японии выполняет и банковские функции. Прельщенные простотой и удобством хранения денег не в обычных банках, а в почтовых отделениях, японские граждане снесли туда около ¥330 трлн (\$3 трлн). Правительство либерал-демократов могло заимствовать из этих колоссальных средств на латание дыр в бюджете или финансирование так называемых общественных работ — строительство дорог, мостов, создание прочей инфраструктуры, — результаты которых зримо демонстрировали заботу партии о народе и способствовали повышению популярности первой у второго. Расстаться с таким «общаком» ЛДП не могла, поэтому в 1993 году предложение Дзюньитиро Коидзуми отвергли, а самого его записали в опасные чудаки.

Но в 2001 году, когда «чудак» стал-таки председателем ЛДП и премьер-министром, одной только почты ему

японцы любят вкладывать свои деньги в почту

уже было мало. Он вышел к народу с еще более захватывающими инициативами. Например, ввести прямые выборы премьер-министра. Это было нужно, чтобы получить мандат на власть на новый срок непосредственно от народа, когда ему откажут в доверии товарищи по партии. В том, что это произойдет, он не сомневался, поскольку объявил войну старым партийным порядкам вроде кулуарного, внутри фракций, решения вопросов, лишавшего права голоса рядовых партийцев. Впрочем, об идее прямых выборов он вскоре забыл. Вероятно, потому, что его популярность в народе начала падать.

Причиной тому стал начатый им курс экономических реформ. Тех, кто боролся с кризисом с начала 90-х годов, включая Рютаро Хасимото с его «Большим взрывом», Дзюньитиро Коидзуми объявил «врагами реформ», заявив, что отныне радикальное изменение страны должно стать смыслом жизни каждого японца.

«Вернем Японии имидж страны, в которой приятно жить!», «Без реформ не будет успеха!» — говорил Дзюньитиро Коидзуми в теле- и радиообращениях к соотечественникам. И предупреждал их: «Без боли не будет лучшей доли!» Испытать боль предстояло и госчиновникам, и рядовым японцам. И если первым часто от потери теплого местечка в министерстве, то вторым — от утраты милых сердцу и привычных атрибутов, делавших капиталистическую Японию похожей на СССР в плане социальной защищенности ее граждан. Японцам впервые за долгие годы существование японского чуда, созданного благодаря точно дозированной вмешательству государства в экономику, предлагалось расстаться с верой в завтрашний день, основывавшейся на бесперебойно работавшей долгие годы системе пожизненного найма, росте зарплаты и продвижении по службе в зависимости от выслуги лет. Как в армии. Теперь же солдатам японской экономики вдруг намекнули, что государство больше не будет прикрывать их тылы, например выбрасывая миллиарды на компенсацию банкам потери от «плохих кредитов».

Еще с 1960-х годов самой желанной для японца была карьераサラリーマン — служащего, живущего на оклад в госконтракт или в частной фирме и пользующегося сверх этого массой всяких льгот вроде почти бесплатного детса-

дика для наследников, оплаты дороги до фирмы и много чего еще. При такой жизни желающих становиться предпринимателями было не так уж много. И вот теперь Дзюньитиро Коидзуми сказал, что все должны проявлять предпринимчивость, если хотят жить не только долго (а чего не жить при японской-то медицине и рациональном питании), но и богато. В принципе Дзюньитиро Коидзуми, восхищенный Соединенными Штатами, просто задумал уменьшить в Японии количество социализма, добавив капитализма. Правда, о полной либерализации экономики речь не шла. Напротив, как и при его предшественниках, заклейменных им «врагами реформ», при Дзюньитиро Коидзуми вывод экономики из застоя осуществлялся при активном участии государства, использовавшего как бюрократические рычаги, так и финансовые ресурсы. Использование бюджета на субсидирование связанных с реформами программ привело к тому, что к началу 2006 года государственный долг Японии превысил ¥800 трлн — выше объема ВВП. И все же кабинету Коидзуми удалось активизировать рыночные механизмы и разбудить предпринимательскую активность масс.

Впрочем, первые ее признаки проявились еще в середине 90-х годов прошлого века. Японский молодежь, выросший во времена, когда страна уже превратилась во вторую, после США, экономику мира, вдруг почувствовал, что не хочет, подобно отцам и дедам, вкалывать с утра до вечера и почти без выходных. В конце 1940-х, когда Япония еще лежала в руинах после войны, и в 1950-х и 1960-х, когда в эпоху «высокого роста» создавался феномен «японского чуда», такой ритм и самоотречение были понятны. Но в 1990-е в нем уже не было необходимости. Наблюдательные юнцы стали замечать, что сидящий на работе допоздна шеф, запершись в кабинете, не корпит над отчетом или деловым проектом, а листает толстенный журнал комиксов или торчит в (или от) сомнительного содержания интернет-сайте. А его 40–50-летние подчиненные, как когда-то министры при товарище Сталине, вынуждены торчать на работе, вместе того чтобы завалиться в соседний бар. Протест против такой жизни принял у молодых и обеспеченных родителями две формы. Первая — забыть на все, начиная с учебы. Вторая — окончить хороший университет, но не идти потом заниматься в престижную фирму, а основать свое дело. Причем желательно в какой-нибудь новой и модной области, например в сфере компьютерных игр.

При правительстве Коидзуми активные молодые люди, желающие рискнуть, смогли развернуться по-настоящему. Среди японцев начали появляться «новые японцы» (по аналогии с «новыми русскими»), сумевшие за короткий срок сколотить внушительный капитал. Стали расти зарплаты и у тех, кто остался сарариманом, особенно у сотрудников совместных предприятий. Но при этом вырос и риск потерять работу. Страх пополнить ряды безработных стал причиной роста самоубийств. Счеты с жизнью японские трудоголки в последние годы стали сводить и от стыда. Например, за то, что их компания обманывает клиентов и партнеров. Японская перестройка породила и такое постыдное явление, которое лет десять назад представить себе на японской почве было никак нельзя.

И все же медленно и с потерями, но Япония начала выкарабкиваться из затяжного застоя, в который угодила в начале 1990-х. Ряд экономистов считают, что заслугой тому не мудрость реформатора Коидзуми, а рост выгодного сотрудничества с соседним Китаем. Но премьер-министр Коидзуми уверен, что секрет успеха именно в реформах, которые непременно должны быть продолжены. Но может ли он на это надеяться?

С одной стороны, в правящих кругах Японии сейчас мало кто сомневается в том, что рост японской экономики и повышение ее конкурентоспособности может быть обеспечен лишь продолжением реформ. Во всяком случае, открытые призывы свернуть реформы пока не слышно. Возможно, потому, что те, кто пытался их критиковать, испытали на себе гнев господина Коидзуми, доказавшего, что он может жестко и беспощадно расправляться с врагами, отправляя их в лучшем случае в политическое небытие, а в худшем — как это было, например, с влиятельнейшим членом ЛДП Мунэо Судзуки, опрометчиво попытавшимся руководить новым премьер-министром, как он руководил несколькими его предшественниками — на нары. И хотя господин Коидзуми крепко отбил охоту у своих противников сомневаться в нужности реформ, в ЛДП и правительстве высказываются опасения, что сопровождающий реформы рост имущественной дифференциации, расслоения общества может подорвать социальную стабильность и спровоцировать напряженность. В качестве альтернативы нынешнему курсу предлагается несколько иная социально-экономическая политика, которая, рационализируя экономику, не приводила бы к ущемлению интересов большинства населения. Правда, до правления господина Коидзуми все попытки его предшественников соблюсти некий баланс между потребностями экономического развития страны и интересами ее населения приводили к тому, что все усилия, предпринимавшиеся для оживления экономики, как, например, «Большой взрыв», оканчивались большим пшиком.

Поэтому есть надежда, что и после ухода господина Коидзуми с поста главы ЛДП и главы правительства занявший это место продолжит реализацию одного из самых раскрученных в прессе проектов седовласого реформатора — приватизацию почтового ведомства. Главная ее цель, разумеется, не в том, чтобы вверить в руки частных фирм доставку корреспонденции. Четыре частные компании, на которые будет разбито нынешнее почтовое ведомство, должны будут обеспечить грамотное и эффективное вложение полученных на хранение сбережений граждан. Кстати, в частные руки или в ведение независимых от правительства агентств планируется передать и использование специальных счетов, с которых ранее оплачивались упоминавшиеся выше общественные работы. По замыслу реформаторов это тоже должно внести лепту в рационализацию расходов.

И все же при повышении эффективности экономики японцам вряд ли удастся избежать роста рисков, связанных с рыночной стихией. Десять лет назад по соседству с Японией, в Китае, я услышал в министерстве экономики, что китайское правительство терпеливо и настойчиво приучает население КНР к мысли, что теперь оно должно заботиться о себе само, не дожидаясь милостей от государства. Китайцам разрешили и богатеть, и разоряться. Но и тех, кто разорился, тоже немало. Они бунтуют. А китайские власти усмиряют их при помощи полиции и армии. Готовы ли к такому диалогу со своим народом японские власти? Вряд ли. За последние 60 лет, прошедшие с момента создания ЛДП, в которой из страха перед левыми объединились все правые партии, и воцарения либерал-демократов, власти призывали к спокойствию и стабильности. Поэтому им придется предложить что-то тем, кто в ходе либерализации экономики останется без рабочего места. Не исключено, что создать новые места японцам удастся, расширяя экономическое сотрудничество с Россией, чей потребительский рынок имеет шанс стать одним из самых вместительных в мире. Но это произойдет только в том случае, если российская экономика твердо встанет на ноги. Кстати, Япония могла бы России помочь в этом благородном и перспективном деле. ■